

Цзи Чуньшань больше не настаивал. Он разжал руки и вернулся к прерванному разговору: Я тебя не обманываю, на верхнем этаже и правда бар, как раз на этом уровне.

Шэнь Хуайсуй поднял руку, едва сдерживаясь, чтобы не влечь ему пощечину.

Цзи Чуньшань перехватил его ладонь и, потянув за собой, двинулся вперед: Пойдем, выпьем по паре коктейлей.

Отпусти, это общественное место, — Шэнь Хуайсуй попытался высвободить пальцы.

На дворе какой век, ничего особенного, — Цзи Чуньшань слово в слово повторил фразу Тан Ваньтянь и, следуя за движением Шэнь Хуайсюя, просто переплел их пальцы в замок.

Раздался мелодичный звонок, и двери лифта медленно разъехались. Шэнь Хуайсуй, поняв, что сопротивление бесполезно, решил спрятаться у Цзи Чуньшаня за спиной.

Из лифта, переговариваясь и смеясь, вышла пара молодых парней. Они держались за руки, лишь мельком взглянули на них, даже не заметив, и пошли дальше.

Когда они отошли на приличное расстояние, Цзи Чуньшань обернулся. В его голосе послышалась усмешка, когда он тихонько привел в чувство ошолбевшего Шэнь Хуайсюя: Особенно здесь — это вообще никого не удивляет.

Шэнь Хуайсуй вспомнил реакцию незнакомцев в лифте и наконец осознал ситуацию.

Цзи Чуньшань, — Шэнь Хуайсуй в упор посмотрел на него, не в силах поверить своим глазам, — ты изменился. Раньше ты был совсем не таким.

Правда? — Цзи Чуньшань потянул его дальше по коридору. — А каким я был раньше?

Каким Цзи Чуньшань был раньше? Шэнь Хуайсуй задал этот вопрос самому себе.

Умным, уверенным в себе, улыбчивым, и еще... когда он улыбался, это выглядело очень красиво.

Уильям Джеймс однажды сказал, что поток мысли непрерывен, но большая часть его содержания теряется в бездонной пучине забвения. Однако некоторые вещи оставляют в памяти неизгладимый след, который можно вспомнить и спустя всю жизнь.

Шэнь Хуайсюю казалось, что все, что связано с Цзи Чуньшанем, навсегда заняло почетное место в его коре головного мозга. Стоило этим воспоминаниям пробудиться, как на него нахлынули события юности.

Поток мысли непрерывен, но большая часть его содержания теряется в бездонной пучине забвения. Что-то забывается мгновенно. Другое сохраняется в памяти на несколько минут, часов или дней. А иное оставляет неизгладимый след, который остается с человеком до конца его дней.

— Уильям Джеймс, отец американской психологии, психолог-экспериментатор.

Глава 18

После той дождливой ночи у Шэнь Хуайсюя появился спутник для поездок на учебу и обратно.

Изначально он планировал, что они будут встречаться на школьной остановке, но Цзи Чуньшань неверно истолковал его слова. Шэнь Хуайсюй не знал, как объяснить всё как следует, поэтому просто начал каждый день выходить на десять минут раньше и ждать на остановке у своего дома, садясь в автобус только тогда, когда видел в последнем ряду 111-го маршрута Цзи Чуньшаня.

Иногда, если Шэнь Хуайсюй просыпал, Цзи Чуньшань даже выходил из автобуса, чтобы подождать его.

Ходить в школу вместе — дело привычное, но Шэнь Хуайсюю всё время казалось, что что-то здесь не так. Однако сказать об этом вслух было бы еще страннее, поэтому он пустил всё на самотек.

К тому же, Цзи Чуньшань был приятным спутником, по крайней мере, он не пересказывал ему все серии аниме, просмотренные накануне.

До разделения на гуманитарные и технические классы он и Дуань Чжэ учились в одном потоке, и за два года Шэнь Хуайсюй как минимум десяток раз целиком прослушал сюжеты разных сериалов из уст Дуань Чжэ. На его взгляд, у Дуань Чжэ было блестящее будущее: даже если ничего другого не выйдет, он всегда сможет стать рассказчиком историй.

Но кое-что всё же не давало ему покоя.

Цзян Мэннань стала заглядывать в последнюю парту их класса подозрительно часто. И хотя к нему лично это отношения не имело, она приходила решать задачи с Цзи Чуньшанем.

Тот никогда не отказывал, объясняя всё подробно и терпеливо.

В голове Шэнь Хуайсюя с запозданием сработала сирена: неужели эти двое испытывают друг к другу симпатию?

К середине мая температура резко подскочила. Полуденный зной измотал Шэнь Хуайсюя, он походил на веточку мяты, которую неделю не поливали, и даже голову поднять не мог.

Терзаемый тревожными мыслями, он стоял с бутылкой ледяной газировки в руках, наблюдая, как Дуань Чжэ пытается вытащить игрушку из автомата.

Аска ему снова не попалась.

На прошлой неделе Шэнь Хуайсюй усомнился, есть ли эта фигурка в коллекции вообще, за что Дуань Чжэ на месте взорвался от ярости и строго-настрого запретил ему нести такую чушь.

Дуань Чжэ, у меня есть один друг... — Шэнь Хуайсюй тщательно подбирал слова, заикаясь, — он спросил меня, что важнее: любовь или дружба. Как ты думаешь?

Забудь об этом, — надежда Дуань Чжэ в очередной раз рухнула, и ему было не до чувств Шэнь Хуайсюя. — Очевидно же, что Цзян Мэннань нравится Цзи Чуньшань.

Шэнь Хуайсюй поперхнулся газировкой, его лицо покраснело, и он едва не выплюнул легкие от кашля.

Еле переведя дух, он в изумлении открыл рот: Ты знал?

Ты любишь её, она любит его — избитый любовный треугольник, это даже дурак увидит, — ответил Дуань Чжэ.

Шэнь Хуайсюя переполняли чувства, он начал подозревать, что недооценивал интеллект Дуань Чжэ.

Приуныв, он присел на ступеньки перед магазином и растерянно спросил: И что мне теперь делать?

Дуань Чжэ посмотрел на него сверху вниз: Почему тебе нравится Цзян Мэннань?

Нравится — значит нравится, какие тут могут быть причины.

Разве может быть симпатия без причин? — важно заметил Дуань Чжэ. — Мне нравится Аска, потому что она сильная, уверенная в себе, гордая, но при этом не вызывает неприязни. Знаешь, как сложно добиться этого последнего качества?

Сложно? Шэнь Хуайсюю показалось, что у Цзи Чуньшаня тоже есть все эти достоинства.

А потом он уныло подумал: неудивительно, что он нравится Цзян Мэннань.

Он попытался всерьез осмыслить слова Дуань Чжэ, но, осознав, что сила его тайной любви не идет ни в какое сравнение с любовью Дуань Чжэ к нарисованному персонажу, невнятно пробормотал: Цзян Мэннань просто красивая.

Сказав это, он тут же подумал, что причина звучит слишком поверхностно.

Поверхностно, — безжалостно заметил Дуань Чжэ.

Шэнь Хуайсюй не нашел, что ответить, и молча допил остатки газировки.

Он не хотел выглядеть жалко, поэтому принял волевое решение красиво отступить и начал оплакивать свою несбывшуюся юношескую влюбленность: Ладно, они же пара, что надо. Желаю им счастья.

Счастья? — не понял Дуань Чжэ. — С чего бы?

<http://bllate.org/book/27367/3322331>